

Глава 1

КАЛЕНДАРЬ СЛАВЯНСКИХ МАСЛЕНИЦ

В начале рассказа о Масленице мы хотим прояснить несколько важнейших моментов, первый из которых — время возникновения этого праздника.

В советской научной литературе и в наследующих ее современных любительских описаниях часто встречается утверждение, что Масленица возникла еще в дохристианскую эпоху — а значит, и изначальный смысл этого обряда заключался в прославлении языческих богов. Однако от дохристианской Руси до нас не дошло ни одного источника, из которого можно было бы узнать что-либо о праздничных традициях того времени. Самые ранние русские христианские хроники («Повесть временных лет», Псковская первая летопись, Псковская вторая летопись и др.) содержат упоминания *Мясопуста*, *Сырной*, или *Масленой*, *недели* только в качестве обозначений календарного периода и, увы, ничего не рассказывают о том, как его отмечали.

Первые подробные описания Масленицы как обрядового комплекса — совокупности ритуальных действий, имеющих символическое и сакральное значения, — появляются только

в XVI веке в записях иностранцев, посещавших Россию. С этого столетия и стоит отсчитывать время возникновения обряда, хотя бы потому, что быть уверенными в существовании праздника в более ранние периоды мы никак не можем.

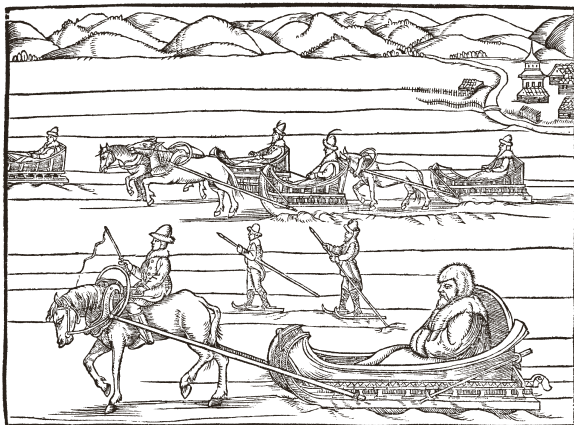
Одно из первых описаний русской Масленицы составил австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, в 1526 году живший при дворе Василия III:

Именитые мужи чтут праздничные дни тем, что по окончании богослужения устраивают пиршество и пьянство и облакаются в более нарядное одеяние, а простой народ, слуги и рабы по большей части работают, говоря, что праздничать и воздерживаться от работы — дело господское. [...] Человеку простого звания воспрещены напитки: пиво и мед, но все же им позволено пить в некоторые [особо торжественные] дни, как, например, Рождество Господне, праздник Пасхи, Пятидесятница и некоторые другие, в которые они воздерживаются от работы, конечно, не из набожности, а, скорее, для пьянства. [...] В Четыредесятницу они постятся семь недель подряд. В первую (неделю), которая у них называется *Syrna*, т. е. „сырная“, они едят молочное; в последующие же недели все они, кроме путешествующих, воздерживаются даже от рыбы¹.*

Второй принципиальный момент для понимания содержания этой книги — это территориальные варианты обряда. Масленица — праздник народный по происхождению и отмечаемый по традиции, а одной из характеристик традиционной культуры является вариативность.

Все славяне — крупнейшая в Европе этноязыковая общность людей, говорящих на славянских языках, — делятся

* В немецкой редакции «Записок о Московии» в перечне праздников после Рождества значится также Масленица (*Faschang*). Прим. В. К.

Путешествие на сани. Гравюра Сигизмунда Герберштейна, 1556 г.

на южных, западных и восточных. Несмотря на общее происхождение, со временем исторические пути славянских групп разошлись, сформировав культурное своеобразие каждой. Эта книга касается особенностей Масленицы у восточных славян: русских, украинцев и белорусов.

Для периода XIX — начала XX века на европейской части России исследователи выделили два комплекса масленичной обрядности: северный и среднерусско-поволжский. Их главное отличие друг от друга состояло в отсутствии в северном обряде «проводов Масленицы»: изготовления и ритуального уничтожения (разрывания, погребения или сожжения) куклы в последний день недели, — тогда как для центральных территорий этот эпизод был ключевым и стал прочно ассоциироваться с Масленицей в современной массовой культуре.

Катанье, песни, звуки гармоники, шум и гам в последний день продолжают до вечера, когда, в заключение всех затей, «проводжат масленицу», т. е. сожигают чучело, изображающее Масленицу, за деревней, на ближайшей горке, именно там, где и встречали

Масленицу. Сожжение Масленицы устраивается повсюду, даже в окрестностях Пскова. Чаще всего сожигают ту «Масленицу», с которою катаются в последний день. Для этой цели устраивают за деревней огромный костер из сухих веток, дегтярных бочек, кострики ото льна и соломы. Чучело или привозят к костру прямо с катанья, или же насаживают его на высокий шест и торжественно приносят к месту сожжения. Сожигают чучело при пении подходящих песен, при громких криках. Бывает и так, что в сожжении «масленицы» принимают участие несколько соседних деревень, и тогда обряд сожжения сопровождается большим оживлением. Присутствующие при этом обряде парни и девушки образуют круг и поют песни. Мальчишки выхватывают из горящего костра пучки соломы, кружатся с ними и припевают: «Мы масленицу первые повстречали, мы широкую первые сожигали». Когда горит Масленица, замечают, как исчезает дым: если он поднимается столбом вверх, то это, по поверью крестьян, сулит в наступающем году урожай, а ежели дым разстилается по земле, то это признак неурожая. Сожжению Масленицы по местам приписывается такое значение: чрез это сожжение сожигаются, уничтожаются все грехи, совершенные во время масленичного веселья и разгула, также сожигаются на весь пост всякия удовольствия и развлечения².

Вместо «проводов Масленицы» на севере на первый план выступила тема семейного благополучия: игры молодежи, обязательное посещение на неделе родственников супругов и т. д. Приблизительная граница между комплексами прошла по направлению Псков — Новгород — Пошехонье и далее по северным районам Ярославской и Костромской губерний. Южные территории России — Воронежская и Курская области, районы по Дону, Кубани и Тереку со смешанным казачьим населением в отношении масленичных обрядов представляли собой переходную зону.

Сожжение куклы на Бакшевской Маслянице, 2024 г. Фото В. Комаровой

На территории Украины центральным эпизодом Масленицы был обряд привязывания *колодки* — обрубка дерева, который в отдельных случаях мог быть заменен на ленту или платок. Считалось, что в понедельник масленичной недели *колодка* нарождается, в последующие дни происходят ее крестины, смерть, похороны и оплакивание. Участвовавшие в обряде женщины проходили с *колодкой* по домам холостых парней и незамужних девушек и привязывали им *колодку* к ногам. Чтобы освободиться, молодежь откупалась от женщин алкоголем и закусками.

В Беларуси не встречались многие элементы Масленицы, характерные для российских территорий: не устраивались кулачные бои и не возили по деревне чучело; как и на Украине, там преобладали элементы обряда, связанные с семьей и браком. В Полесье* на передний план праздника вышла поминальная тематика.

* *Полесье* — историко-культурная область, расположенная на территории Полесской низменности на границах России, Беларуси, Украины и Польши.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос отличия городской праздничной культуры от сельской. По численности горожане стали преобладать над жителями сел и деревень только во второй половине XX века, поэтому в первую очередь в дореволюционной Масленице выделяются сельские черты. Разумеется, у крупных городов было больше денег и возможностей устроить пышное празднество. Но в целом городская Масленица проходила в рамках общей структуры, характерной для региона: в Ярославле в понедельник на рыночную площадь съезжались показать себя молодежь окрестностей, в Нижнем Новгороде боролись на кулаках на льду реки Оки, в Ишиме строили и брали приступом снежный городок, в Архангельске мясники десятками впрягались в сани и возили по городу быка. А вот в столицах — Москве и Санкт-Петербурге — празднество получило исключительный размах, если судить по красочным воспоминаниям современников. В середине XIX века в крупных городах стали особенно популярны представления народных театров.

Дореволюционная Масленица в Москве

Устройство массовых гуляний горожан контролировали правители государства. Например, в конце XVII века Петр I повелел делать московскую Масленицу у Красных ворот в конце улицы Маросейки. Там он выпивал чару вина за здоровье своего народа, обедал блинами, а затем открывал торжество, лично участвуя в празднестве. В конце масленичной недели, на Прощеное воскресенье, по обычаю прежних царей Петр Алексеевич посещал Успенский и Архангельский соборы Московского кремля и находившиеся в нем подворья монастырей. В Грановитой палате исполнялся обряд прощения: к царской руке подходили все должностные лица: дворяне, дьяки и гости столицы.

Красные ворота, Москва. Раскрашенная фотография издательства Джузеппе Даззиаро, ок. 1880 г.

К Масленице 1690 года царь приготовил подданным свою любимую забаву — фейерверк.

В Воскресенском* по случаю Масленицы устроен был фейерверк. Празднество началось пальбой из пушек сначала из каждой в отдельности по два выстрела в цель, а потом залпами из всех 50 холостыми зарядами. Затем происходил парад войск. Войска проходили перед государями** маршем, а затем, разделясь на два отряда, произвели нечто вроде примерного сражения, сопровождавшегося пальбой залпами. Когда стемнело, зажгли

* Воскресенское — село на Пресне, вошедшее в состав города в XVIII столетии. В 1681 году старший брат Петра I царь Федор Алексеевич выбрал эту местность для строительства нового загородного дворца. Однако из-за ранней смерти царя Воскресенское вскоре проиграло свои позиции усадьбам в Коломенском и Измайлове.

** Петром и Иваном Алексеевичами.

фейерверк на переднем дворе Пресненского дворца, он горел в течение двух часов. Затем на внутреннем дворе этого дворца был сожжен другой фейерверк, еще больших размеров, приготовленный самим царем и продолжавшийся три часа. Двор вернулся в Кремль около полуночи³.

Первый российский император любил шутовство и карнавалы и устраивал представления, надолго остававшиеся в памяти очевидцев. На Масленицу 1722 года в честь недавней победы Русского царства в Северной войне (1700–1721) и заключения Ништадтского мирного договора со Шведским королевством Петр лично написал сценарий настолько грандиозного праздничного шествия, что его даже запечатали на гравюре.

В четвертый день Масленицы из Всесвятского села, через Тверские ворота, по данному ракетой сигналу, прямо в Кремль двинулся потешный поезд, состоявший из множества разного вида и величины морских судов, поставленных на сани, запряженные зверьми. Шествие открывал штукар^{}, ехавший на больших санях, в шесть лошадей цугом. После двинулся флот, с Нептуном на колеснице, держащим в руках трезубец; колесницу его везли две Сирены. За ним ехал на большой лодке, запряженной двумя живыми медведями, князь Ромодановский с княжескою короною на голове. Потом шел 18-пушечный корабль с тремя мачтами и полным вооружением; эту громаду везли 16 лошадей. Сам государь, в одежде флотского капитана, сидел на нем с офицерами и генералами. За ним плавно двигалась гондола с государыней, одетой в костюм ост-фридландской крестьянки; окружавшие ее знатные и придворные дамы были в аравийских одеждах. «Маскарадные шуты» сидели*

^{*} Штукар — фокусник или скоморох.

в разных смешных положениях, в длинных и широких снях, сделанных наподобие драконовой пасти. Они были наряжены разными птицами и зверями; здесь были журавли, лебеди, огненные змеи, волки, медведи, лисицы и пр., и пр. Уже поздно вечером шествие это было встречено в Кремле пушечными выстрелами. Празднество продолжалось четыре дня, закончившись грандиознейшим фейерверком⁴.

В 1763 году в Москве императрица Екатерина II устроила замечательный масленичный маскарад, продолжавшийся три дня. Маскарад назывался «Торжествующая Минерва» и содержал девять отделений, каждое из которых в аллегорической форме высмеивало какой-либо порок: глупость, пьянство, злобу, обман, невежество, взяточничество, пустословие, тщеславие и мотовство. Тексты песен написал для маскарадного хора придворный поэт Александр Сумароков.

Итак, стремление партии Панина обуздать власть императрицы и на сей раз не осуществилось. Никита Панин потерпел второе поражение. Двор продолжал веселиться вовсю. Московский люд в конце концов тоже получил свою долю удовольствий. Наступила Масленица. По Москве появились афиши, что в три последних дня Масленой недели с 10 часов утра ежедневно по улицам Немецкой, двум Басманным, Мясницкой и Покровке будет ездить большой маскарад под названием «Торжествующая Минерва», в коем изъяснится «гнусность пороков и стезя наук и добродетели». На смотренье маскарада и на вечернее катанье с гор приглашались «всякого звания люди». А на тех гуляньях в особом театре представляют, мол, народу разные игрища, кукольные комедии, фокус-покус и пр. И вот на маскарадные зрелища, сочиненные и остроумно поставленные знаменитым актером Федором Волковым, привалила вся Москва, — даже древние старцы и старухи⁵.

В середине XVIII и в первой половине XIX века Масленица отмечалась на Воскресенской площади, Пресненских прудах и на Неглинной улице, а также на месте ныне скрытого земляного вала рядом с Новинским монастырем (сейчас это часть Садового кольца). По имени монастыря гулянье стали называть Новинским или Подновинским. На нем бывали Александр Пушкин, Евгений Баратынский, Карл Брюллов, Михаил Глинка, Федор Достоевский и другие выдающиеся люди.

В 1860-е годы пустырь решили превратить в Новинский бульвар, и с 1864 года по 1911-й общемосковское масленичное гулянье проводилось на Девичьем поле в Хамовниках. Вот как описал его Николай Телешов в своих знаменитых «Записках писателя»:

На Девичьем поле, где теперь зеленые скверы, где построены клиники, где стоит памятник Н. И. Пирогову, где выросли уже в наши дни новые великолепные здания, в прежние времена было много свободного места. Здесь на Масленице и на Пасхе строились временные дощатые балаганы длиннейшими рядами, тут же раскидывались торговые палатки с пряниками, орехами, посудой, с блинами и пирогами, а в неделю «мясопуста» устраивалось «гулянье», и тогда здесь все звучало, гремело, смеялось, веселилось, кружилось на каруселях, взлетало в воздух на перекидных качелях. И громадная площадь кишела народом, преимущественно мастеровым, для которого театры были в то время почти недоступны.*

* Балаганы — это деревянные временные театры, которые собирали к крупным праздникам — Святкам, Масленице и Пасхе. В больших балаганах делали хорошо оборудованные сцены, оркестровые ложи, места с подъемом для разной публики. Планировка таких театров постепенно выработала свои традиции — по одному типу их собирали и в Петербурге, и в Москве, и в Нижнем Новгороде, и в других крупных городах.

Чего здесь только не было! И тут и там гремят духовые оркестры, конечно, скромные — всего по несколько человек, громко гудят шарманки и гармошки, и без устали звонят в колокольчики «зазывалы», уверяя публику, что «сейчас представление начинается»... А на балаганах, во всю их длину, развешаны рекламные полотна с изображением каких-то битв или необычайных приключений на воде или на суше. [...]

Всякие эти гулянья и развлечения, приближаясь к субботе «Широкой Масленицы», проходили с каждым днем все более и более возрастающе, а на самую субботу даже в школах освобождали от ученья ребят, доставляя им праздничный день; закрывались многие торговые конторы и магазины, прекращались также работы в мастерских. [...]

В некоторых частях города организовывались праздничные катанья на рысаках. Особенной славой пользовались эти катанья в Таганке, заселенной преимущественно богатыми торговыми людьми, где купеческие «свои лошади» украшались тряпичными и бумажными цветами, а сани — пестрыми дорожными коврами; здесь же во время катанья устраивались смотрины купеческих невест и завязывались сватовства, кончавшиеся свадьбами после Пасхи, в неделю так называемой Красной горки. В этот субботний день некоторые извозчики тоже украшали цветами и лентами облезлые гривы своих несчастных кляч и возили по улицам веселящихся москвичей.

В воскресенье, ближе к вечеру, город начинал затихать и смиряться. На набережную между Устьинским и Москворецким мостами начинали съезжаться деревенские сани-розвальни, груженные кадками с квашеной капустой, огурцами в рассоле, солеными и сушеными грибами и разной постной снедью, с булками, баранками и сайками. Начинали становиться в ряды вдоль реки на мостовой и налаживать временные палатки на целую неделю⁶.

Дореволюционная Масленица в Санкт-Петербурге

С первых же лет существования Санкт-Петербурга гулянья в нем устраивались вокруг катальных гор на льду Невы: напротив Зимнего дворца, напротив Академии наук, наискосок от Смольного и на Островах. Уже в конце первой трети XVIII века *игра под горами* стала популярной традицией Северной столицы.

Масленица. Литография Василия Тимма, 1851 г.

Между жителями петербургскими сохранилось предание, что масляница приезжает сначала на Охту, потом в Ямскую, а после в город. По этой причине Охта именуется первоначальницею масляницы, потому что в старые годы строились там ледяные горы и кто охтенским горам не сделал чести, своим посещением, тот считался отъявленным врагом масляницы. В прежние годы нигде столько не пекли и не ели блинов, как на Охте; в прежние

годы под именем первоначальницы масляницы разумели Охтянку, которую представляли нагруженную блинами, аладьями и пирогами. Вот описание Охтянки, первоначальницы масляницы, которая, обращаясь к своим подругам, говорит:

Сестрицы!
Встречайте масляницу нам любезную,
И к весельям нашим быть полезную.
Вот, здесь уже раствор,
Блины и оладьи подпекать;
А вы готовьте
Более масла подливать.
Не жалейте притом
Яиц, сметаны и творогов
Для напечения
Масляничных пирогов.
А особливо для дородных молодцов
Напечем мы поболее пряженцов!¹⁷

Павел Свинын, автор путеводителя по Петербургу (1816), писал:

Каждый народ имеет свои отечественные любимые забавы, показывающие некоторым образом его нрав и душевные наклонности. Масленица во всей Европе есть время торжества забав сих: тогда видим мы у испанцев сражения с буйволами, у англичан — кулачные бои, лошадиные скачки, у французов — пляски, у итальянцев — маскарады и проч., а для русских главнейшее удовольствие составляют ледяные горы. Горы сии строятся по сие время не только во всяком городе, но и во всяком почти селении. В Петербурге строят их обыкновенно на Охте, на Крестовском острове и на Неве перед императорским дворцом. Вокруг Невских гор строятся тогда сараи, в коих показывают

разных животных, привозимых из чужих краев, кукольные комедии, китайские тени, пляски на канате и прочее⁸.

В масленичных гуляньях в Санкт-Петербурге участвовали горожане всех возрастов и сословий. С четверга — начала Широкой Масленицы — школьников и гимназистов освобождали от учебы, и они с родителями ехали на балаганы: представления народного театра, которые до 1873 года разыгрывались вдоль Адмиралтейского бульвара и на Дворцовой площади. По распоряжению Екатерины II к выходящему на площадь фасаду Зимнего дворца был пристроен «балкон-фонарь», из которого императрица наблюдала за гулявшей многолюдной толпой. Позже представления переместились на Царицын луг (как тогда называлось Марсово поле).

И самое представление я помню как сейчас. Это была настоящая пантомима с Арлекином, Пьерро (которого публика звала, к моему сожалению, «мельником»), Кассандрой, феями, чертями и пр. Первое действие изображало нечто вроде рожи; справа был холм, в котором моментами сквозились всякие видения, слева — трактир с навесом. Приезжал шарабан, у которого отлетало колесо и из которого вываливались очень нарядные люди. Под навесом они оправлялись и пировали. Арлекин прислуживал. За какую-то провинность его затем убивали, что доставляло большую радость его коллеге — Пьерро. Последний, оставшись наедине с трупом, разрезал его на части, а затем глумился над покойным, составляя снова члены самым нелепым образом. И вдруг наступал полный переворот. Появившаяся в белом бенгальском огне фея своей волшебной палочкой возвращала Арлекина к жизни, да и сам Арлекин становился каким-то волшебным существом. Его поварская batte приобретала чудотворную силу, и все, чего он ни касался ею, сразу становилось ему послушным⁹.*

* Колотушка, пест. Прим. А. Н. Бенуа.

Титульный лист программы театра «Развлечение и польза», 1894 г.

Балаганы были излюбленным развлечением петербуржцев и пользовались популярностью долгие годы. Среди известных антрепренеров середины XIX века были: купец 2-й гильдии Василий Егарев, Христиан Леман, его ученики братья Легат, Вильгельм Берг, купец Василий Малафеев, купец 2-й гильдии Абрам Лейферт.

Кроме самих балаганов, сколько еще было всевозможных приманок! Среди шума толпы вертелись и звенели карусели, и можно было лихо прокатиться верхом на деревянной лошадке в яблоках, и стоял треск выстрелов в маленьких тирах — «стрельба в цель», к ним меня ужасно тянуло, но няня ни за что не пускала, боясь ружей и пуль и из опаски, что меня еще подстрелит какой-нибудь озорник. А покататься на круглых качелях мне и самому не очень хотелось [...], тут было действительно страшно вдруг застрять и повиснуть в воздухе, — и я только издали поглядывал, как летали на этих качелях в открытых будочках

обнявшиеся парочки и лутили семечки. Но с какой завистью я смотрел на катавшихся с ледяных гор, которые казались гигантской высоты! Один только раз с кем-то из взрослых я с замиранием сердца ухнул с горы на салазках среди взвившейся ледяной пыли¹⁰.

Специально для катаний на лошадях на Масленицу собирались извозчики *вейки* (ингерманландские финны, которых много проживало в Санкт-Петербурге и окрестностях) на своих маленьких санках, запряженных лохматыми лошадьми-*шведками*, с разукрашенными разноцветными лентами и бубенцами дугами и упряжью.

В детстве с веек все и начиналось. Проснешься в воскресенье и из кровати слышишь, как сверлят воздух серебристые колокольчики. Няня непременно доложит: «Вставай скорей, уж вейки приехали». И хотя, в сущности, в этом событии ничего не было поразительного и неожиданного, однако босиком бежишь к окну, чтобы удостовериться собственными глазами. Вероятно, это возбуждение являлось все по той же склонности ребенка к беспорядку, к нарушению будничной обыденщины. Извозчик, что городовой, что дворник с метлой, что почтальон с сумкой или трубочист со стремянкой, что разносчик с лотком или нищий на перекрестке — органически сросшееся с улицей существо. Вейка же — нарушитель уличной обыденщины. Во-первых, это иностранец, то в самом деле не понимающий русского языка, то притворяющийся, что он его не понимает — для вящего шика. Лошадь его не просто лошадь, а шведка. А затем это какой-то бунтарь, для которого законы не писаны. Он едет другим темпом... он берет не то дешевле, не то дороже обыкновенного, на нем можно усесться и вдвоем, и вчетвером, и вшестером — скорее, нечто неудобное, но по этому самому и приятное в дни повального безумия, в дни общественных вакханалий.

Но вид вейки означал не приглашение просто на прогулку по улицам столицы, а он манил к особому путешествию — на Царицын луг. И просто прокатиться было очень занятно и весело, особенно весело, когда дороги были смяты и залиты оттепелью, когда полозья то скользили, как по маслу, то начинали дергаться по оголившейся мостовой, и вейка оказывался на мели. Но это наслаждение было простым баловством сравнительно с ритуалом поездки «на балаганы». Тут и сам вейка принимал более торжественный вид. Он сознавал, что служит какому-то большому делу, что он видный актер в пьесе¹¹.

Происходили в Санкт-Петербурге и традиционные для Масленицы кулачные бои. На Неве и на Фонтанке охтяне бились с работниками фабрик; у стеклянного и фарфорового заводов, на Адмиралтейской стороне, на Аптекарском острове, в Екатерингофе и даже у Зимнего дворца скапливались толпы простого народа — зрителей и потенциальных участников драк. «И как-то странно, что этот самый холодный и чинный из русских городов умел так преобразаться в дни Широкой Масленицы», — вспоминал в 1931 году в своих «Очерках минувшего» князь В. А. Оболенский¹².

Последняя Масленица на Марсовом поле прошла в 1897 году. Со следующего года под гулянья был отведен Семеновский плац: по рассказам Алексея Алексеева-Яковлева, место это было неуютное, с недоброй славой — там казнили народовольцев.

Весной 1898 года народные гулянья площадного характера с их театрами, театриками, каруселями, «горами» и «качелями» закончили свою жизнь на малолюдном Семеновском плацу¹³.

Вот эту-то прелесть потом у нас отняли! Балаганы происками ревнителей общества трезвости были сначала сосланы на Семеновский плац... А там на далеком плацу они захирели, зачахли и умерли¹⁴.

* * *

После революции 1917 года массовые масленичные гулянья были запрещены на долгих четыре десятилетия. Только в 1958 году праздник решили возродить под именем Проводов русской зимы: с 14 по 23 февраля на недавно открывшемся Центральном стадионе Москвы (сегодня это Большая спортивная арена «Лужники») провели масштабное мероприятие, чтобы возродить исстари существовавший в России обычай и продолжить народную традицию на современной основе. Вскоре после этого все советские социалистические республики перешли на единый специально прописанный и внедренный через дома культуры сценарий празднования Масленицы, который в значительной степени потеснил обычаи, складывавшиеся без вмешательства сверху. Централизованное проведение праздника привело к стереотипизации Масленицы, однако некоторые фольклорные элементы и представления об обряде все же сохранились в народной памяти до нашего времени.

В конце XX и первой четверти XXI века в массовой культуре постепенно возрастает интерес к воссозданию дореволюционных масленичных традиций. В 1980-х создается сообщество реконструкторов знаменитой Бакшевской Масляницы, с начала 2000-х начинают устраивать огромные масленичные костры в Никола-Ленивце. Организаторы этих мероприятий по-своему переосмысливают традиционные элементы обрядового комплекса и наполняют их новым содержанием. Об этих региональных и временных трансформациях и рассказывает наша книга.

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФА](#)

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

